

НИК ПЕРУМОВ

АЛИЕДОРА

Семь Зверей Райлега

Семь Зверей Райлега

Ник Перумов

Алиедора

«Феникс»

2009

Перумов Н.

Алиедора / Н. Перумов — «Феникс», 2009 — (Семь Зверей Райлега)

ISBN 978-5-222-37410-8

16-летнюю Алиедору выдают замуж за соседа-дворянина. Не желая терпеть издевательства мужа, она сбегает из замка. Между знатными домами разгорается конфликт, который вскоре перерастет в полномасштабную войну. На долю юной красавицы выпадет ещё немало приключений и бед. Ей придётся сражаться и оказываться в плену, терпеть унижение и предательство близких, узнать, что она помечена Гнилью, стать Гончей Некрополиса и повстречать того, на кого её послали охотиться – Тёрна, – чтобы сражаться с ним плечом к плечу.

ISBN 978-5-222-37410-8

© Перумов Н., 2009

© Феникс, 2009

Содержание

Ха сомпеали ди Marga	5
Пролог	7
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ник Перумов

Алиедора

Ха сомпеали ди Марга

О появлении людей (предание сидхов)

Мы говорим – вначале всё пребывало в гармонии. Мы говорим – вначале всё оставалось недвижно, неизменно, совершенно. Совершенство не нуждается в изменениях, как не нуждается в них идеально сотворённый кристалл. Изменчивость – болезнь нашего мира. Изменения ведут лишь к истощению сил и конечной гибели – так говорим мы. Они – зло, порой необходимое, а порой...

...Наш мир менялся. Так утверждали Старшие, умевшие заглянуть в прозрачный лесной родник и узреть надвигающуюся из дальнего далека вражью орду – за множество немереных поприщ.

Наш мир менялся вместе с Безымянными, незримой стопой попиравшими его плоть. От листа к листу Великого Древа шагали они, и всюду с их приходом ткань бытия приходила в движение. Подобно кругам по воде от канувшего в глубину камня, расходились волны этих перемен, и далеко не всегда мы, не бессмертные, но долгоживущие и хранящие память о предначальных днях, могли понять, к добру они для мира или к худу.

Для мира, не для нас. Для нас они почти всегда оказывались исключительно к худу.

Старшие видели всё. Зарождение огненных гор и их умирание, обрушение в неведомые глубины земли; появление могучих рек и их конец, когда от полноводных потоков оставались лишь сухие русла; видели полёт величественных крылатых существ и жалкий конец их потомков, выродившихся в подкожных змей.

Они не увидели лишь одного – того мига, когда лоно мира, задрожав от небывалой боли, извергло из себя первых людей.

Мы говорим – один из Безымянных спустился к самым огневеющим недрам. Однако слабы оказались кости земли, редко им доводилось держать на себе подобную ношу. Мы говорим – опоры подломились, основания распались, и Безымянный рухнул вниз, в море бушующего пламени. Мы говорим – там впервые испытал он боль, там впервые познал страх и желание жить – во что бы то ни стало, любой ценой.

...Безымянный вырвался из пламенной ловушки – иного и случиться не могло, ведь он был изначальной силой. Однако он унёс с собой память о небывалом, там испытанном. О неистовой борьбе. О безумной надежде. И об ощущении надвигающегося неизбежного конца.

Старшие говорят – наверное, столь сильны были эти чувства, что не смог Безымянный удержать их в себе. Опалённый подземным пламенем, он словно лишился рассудка; и верно, ничем, кроме как временным помрачением великой силы, нельзя объяснить появление на земле Райлега людей.

Мы говорим – Безымянный кричал от неведомой ранее боли, и крик этот достигал самых отдалённых уголков нашего мира. Крик сотрясал основы, и незыблемое повергалось во прах. А когда стих страшный вопль, из раскрывшегося земного чрева в потоках лавы появились первые люди.

Жестоки они, как породивший их отец-огонь, и тверды, как мать-земля. Только кажутся они порой слабыми и безвольными. Легко впасть в ошибку презрения, недооценив их силы. В сердце даже самого никчёмного, самого трусливого из их племени горит изначальное пламя,

а в душе, даже самой опустившейся, мелкой и ничтожной, – кроется несокрушимый гранит земной плоти.

Остерегайся людей, говорят Старшие, и повторяем мы. Страшись, бойся и беги их и не преклоняй слуха к тем, кто станет с пренебрежением говорить о них, краткоживущих, не обладающих сокровенным знанием, как мы.

Ибо, как никто, помнят люди древний зарок Семи Зверей, зарок жестокого и безжалостного мира – не отступать и не сдаваться.

Пролог

Море Мечей изо всех сил старалось оправдать название. От затянутых серой мглой небес до тяжело вздымающегося и опадающего покрывала вод пространство полосовали ветвистые молнии. Перепуганное светило скрылось, меж морем и небом воцарились ранние сумерки; и среди мерно катящихся валов мало чей глаз сумел бы разглядеть небольшой двухмачтовый парусник, лёгкий бриг, уверенно державший нос по волне.

В отличие от множества иных судов, бороздивших море Мечей, на мачтах брига не было флагов; хотя даже пираты брезговали плавать «нагишом», как это прозывалось у моряков.

Пожелай какой-нибудь любопытствующий волшебник узреть, что творится на палубе, его ожидало разочарование: он не увидел бы вообще ничего, ни одной живой души (впрочем, и неживой тоже), словно на пресловутом корабле-призраке.

Корпус брига был ярко-травянисто-зелёным, и такими же – паруса.

Никто, ни одно судно, когда-либо рассекавшее здешние воды, не имело такой окраски.

Никого не было на палубе, никто не стоял у руля, поворачивавшегося, словно по собственной воле.

И лишь в кормовой надстройке, за окнами цветного стекла, шёл негромкий разговор.

– Ошибки быть не может. – Только в одном месте мира Семи Зверей говорили на этом языке, древнем, самом древнем из всех, что знали эти небеса. – Он здесь.

Изящная рука с тонкими, но сильными пальцами протянулась через стол, легко касаясь расстеленной карты. Покрытый сложным золотисто-зелёным узором ноготь скользнул вдоль побережья Вольных городов, задумчиво помедлил у Скирингсалла и двинулся к юго-западу, мимо Оса, Дамата, Феана – вдоль врезавшегося в море полуострова.

– Он здесь. Я чувствую эхо заклинания.

– Прошлый раз ты тоже «чувствовал», Роллэ. И мы угодили в Облачный Лес. Где узнали любимую поговорку тамошних обитателей. Да-да, ту самую – «кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет».

– Мы же не погибли, – последовал сухой ответ.

– Но чего это нам стоило!

– Ты поднимаешь эту тему снова и снова, Фереальв.

– Я подниму её и когда мы вернёмся в Башню Затмений. Мудрые должны узнать.

– Спасибо. Что бы я делал без твоих напоминаний.

– Роллэ, Роллэ! Почему я всё время вынужден призывать тебя к серьёзности?! Наблюдающие вручили в твои руки...

– Да-да, Фереальв, я помню. И потому говорю – он здесь. Несмотря на случившееся в Облачном Лесу.

– Он – здесь. Допустим. А где в таком случае *она*?

Молчание.

– Обрати сей вопрос к самому себе, Фереальв.

– Если бы я мог ответить на него сам, Роллэ, будь уверен, я не отягощал бы твой слух своими бессмысленными словесами.

– Как же так? Могущественный и многознающий Фереальв, надежда Башни Затмений, лучший Наблюдающий последнего века...

– Прошу тебя, Роллэ. Ты знаешь, что брошено на весы. И знаешь, что мой доклад будет полным и нелицеприятным отнюдь не от вражды к тебе. Я буду столь же беспристрастен и объективен также по отношению к себе. От этого зависит судьба Смарагда!

– Оставь, Фереальв. Судьба нашего острова зависит совсем не от этого.

– От чего ж тогда? Я не смеюсь, Роллэ. За это время мои взгляды... несколько изменились. Ответь, прошу тебя.

– То есть ты всё-таки хочешь знать, от чего? Фереальв, ведь я толковал об этом на всех советах, убеждал в Башне Затмений и в Башне Звёзд на Луале. Я взывал к Мудрым в Башне Пространств...

– Роллэ, мне прекрасно известно, где звучали твои речи и к кому были обращены. Я знаком и с их содержанием. Но сейчас, когда мы здесь, в диком море, вдвоём, после всего увиденного, после всех заклятий, сотворённых вместе, – ты не хочешь поделиться ничем иным?

– Всё увиденное, Фереальв, только укрепило меня в мысли – мы ищем не там, где надо. Отмеченное роком существо – совсем не тот, кого мы разыскиваем.

– Но отзвуки сотворённых им заклятий – это ли не прямое доказательство?

– Могучий Фереальв снизошёл до спора...

– Прекрати, Роллэ! Пожалуйста. Ты несправедлив, твоё предубеждение ранит меня... ты знаешь, я никогда...

– Да, ты не использовал своего положения, чтобы заставить меня замолчать. Я ценю твоё отношение, Фереальв. Прости, если слова мои чем-то тебя задели. Просто... слишком уж велика разница в нашем положении. Ты – Наблюдающий и совсем скоро займёшь подобающее тебе место среди Мудрых. Я же, напротив, лишён всех отличий, права учить, права...

– Роллэ, Мудрые не согласились с твоими выкладками. У них, если ты забыл, имелись доказательства, и даже ты сам признал их вескими. Да, тебе пришлось оставить учеников, покинуть столицу, но никто не зажимал тебе рот, когда ты метался от Башни к Башне, никто не запрещал тебе делиться опасениями с друзьями. И разве то, что ты здесь, на одном корабле со мной, – не лучшее доказательство справедливости Мудрых?

– Я не осуждаю Мудрых, Фереальв. Горечь, полнящая мои слова, – от тревоги за Смарагд, не за себя. Ты знаешь, я считаю – Мудрые слишком увлеклись магической эквилибристикой, за изяществом схем и уравнений не видя...

– Но схемы и уравнения как раз и необходимы, чтобы осознать происходящее. Без них картина мира станет хаосом. Наша «эквилибристика», как ты выразился, основана на некоторых непреложных фактах. И с этим не споришь даже ты.

– Верно, не спорю. Я признаю, что дважды два – это четыре, а не пять. Но затем всё становится далеко не столь однозначным. Мы разыскиваем бежавшего, мы озираемся в надежде заметить и *её* где-то поблизости – а у меня всё крепнет и крепнет уверенность, что дело не в этих несчастных, отмеченных печатью рока. Мудрые велели мне отыскать самовольно покинувшего Смарагд, и я делаю это, но атрибутировать ему то, что считают в Башне Затмений...

– Роллэ, Мудрые полагают тебя наилучшим, непревзойдённым Разыскивающим. Они закрыли глаза на твои дерзость, непочтительность и, буду откровенен, прямую грубость. Потому что Смарагду сейчас нужны твои и именно твои таланты. Я могу лишь помочь. Давай не будем длить сей бессмысленный спор. Ты не убедил меня, ты не сказал ничего нового.

– Фереальв, я признаю, система моих доказательств не столь отточена и убедительна, как великолепные конструкции Мудрых. Но разве там, в Облачном Лесу, ты не усомнился?

– В чём? Роллэ, ты указал на Облачный Лес как местопребывание беглеца, и я...

– Я не о том. В Облачном Лесу я ошибся. Вина моя и только моя, тебе нет нужды напоминать мне об этом, и Мудрым я расскажу о ней сам. Однако эта ошибка, ошибка в том, что столько веков почиталось незыблемой, неоспоримой формулой, разве не говорит это о том, что в мире стали работать какие-то совсем иные силы? Что всё заметнее становятся совсем иные законы, коим теперь подчиняется магия? Ты понимаешь, о чём я, Фереальв? Моя ошибка...

Пауза.

– Да, понимаю. Но иного выхода у нас нет. Только идти по следу беглеца, надеясь, что Мудрые правы и что *она* окажется где-то поблизости.

Зелёный корабль, сам, безо всякой нужды в команде, входил в плавный, широкий поворот. Его нос клонился всё больше к востоку, туда, где темнело недалёкое побережье Вольных городов.

Глава 1

(За год до событий первой книги)

Яростный, исступлённый лай, переходящий в режущий уши визг. Псы-шерно захлёбываются, мчатся по свежему следу. Но на сей раз они преследуют совсем не матёрого клыкача, грозу здешних стад. И даже не беглого серфа с рудников.

Аспидно-чёрный скакун-гайто почти летит, едва касаясь копытами земли. Всадник припал к круто изогнутой шее, одной рукой судорожно вцепившись в поводья, а другой прикрываясь от хлещущих по лицу ветвей. Наездник не правит, лишь старается удержаться в седле; жеребец же мчится без дороги, проламываясь сквозь густой подлесок.

Над холмами замерла опрокинутая чаша бездонного неба. Отражения вечных звёзд – капелек росы, зависших над листьями Великого Древа, – уже поблёкли, предвещая скорый рассвет. Закатилась первая из Гончих, её серебристая сестра отстала, как и всегда, проливая жемчужные лучи на колышущийся под свежим ночным ветром густой лес. Нет и не будет равнодушным небесным сёстрам дела до бед и тревог раскинувшегося под ними Листа.

Ближе и ближе лай – всадник не понукает скакуна, тот мчится по собственной воле, вспомнив, наверное, древний ужас его диких сородичей перед стаями зубастых преследователей.

Дорога – вернее, её отсутствие – идёт под уклон. Скоро конец чащобам, недалёк и берег озера Эве. Мрачный и древний Деркоор, родовое гнездо владетелей Деррано, остался далеко позади, в лесистых предгорьях Реарского хребта.

«Скорее же, скакун, милый мой, хороший, – скорее, умоляю!»

Жеребец с ходу перемахнул неглубокий старый ров, заросший и оплывший, – между, кон-границу владений двух родов – Деррано и Берлеа, хозяев замка Берлекоор. Здесь кое-где ещё можно встретить полусгнившие палисады и частоколы, поставленные в ту пору, когда шатался королевский трон в Симэ, а сеноры-владетели так и норовили по-своему перекроить карту страны. Те времена давно минули, престол содержит внушительную дружину наёмных войск, всегда готовых в зародыше прикончить любую смуту.

Но рубеж не спасёт всадника на чёрном жеребце и не защитит. Это охотиться нельзя на землях соседа без его разрешения – а преследовать нарушившего закон очень даже можно.

Лай. Лай. Лай. Рвущий слух вой, и справа, и слева. Сеноры Деррано славятся псарнями и отборными гончими, за щенками присылают со всех концов королевства и не только – приезжают и из Меодора, и из Доарна.

Дальше, дальше, пока не падёт измученный скакун; и тогда – сперва разрядить в преследователей маленький двойной самострел, захватить с собой хотя бы пару из них, а потом... потом главное – избежать соблазна, не схватиться за тесак в наивной надежде отбиться от двух десятков опытных воинов и охотников за беглыми. Успеть сорвать с шеи наглухо запечатанную смолой глиняную бутылочку на волосяной плетёнке. Сунуть в рот. Зажмуриться. И – раскусить...

«Нет, не дамся им. Ни за что. Лучше уж так.

Маменька знала, что делала, когда надела это на шею».

После рва лес кончился, потянулись поля, луговины, по левую руку должно лежать озеро; здесь угодня серфов-рыбарей, разбитые ими для облегчения податного ярма.

Жеребец хрипит, начинает задыхаться. Всадник успел оторваться от верховой погони, преследователи часто меняли скакунов, поневоле отставая – с этим гайто, жемчужиной и гордостью конюшен сенора Деррано, не сравнится никто.

По лицу наездника катятся злые слёзы.

«Ну почему всё так глупо, почему, Семь Зверей, почему? Не спрашиваю, за что вы от меня отвернулись, вы давно уже не смотрите на свой мир; Ому же Прокреатору до таких, как я, дела и вовсе нет».

Никем не понукаемый, жеребец берёт правее, отдаляясь от берега – прямо к скоплению негустых рощиц, покрывших старые оплывшие холмы. Ещё правее лежит торный тракт, соединяющий Деркоор через приречный городок Фьёф с замком рода Берлеа – нам туда совсем не надо, скакун, на дороге ещё скорее угодишь в руки охотников!

Жеребец словно слышит этот безмолвный крик – и стрелой несётся прямо, к рощицам.

На что ты рассчитываешь, мой верный, если нам не удалось уйти от погони в оставшихся позади чащах?

Вот мелькнули первые деревья, подножия окутаны кустами, словно густым дымом. Ночь стоит на страже, сберегая покой своих детей, и скакун вдруг замирает, взрывая раздвоенными копытами неподатливую землю.

– Ты чего? – обливаясь слезами, шепчет всадник, скатившись с седла.

Скакун лишь безмолвно опускается на колени, ложится, вытянув шею.

Наездник машинально поднимает арбалет, с явной натугой взводит обе тетивы, оглядывается.

Предраассветные сумерки ненадолго сгущаются – незримая рука ветров задёрнула отставшую Гончую плотным серым занавесом. Невесть откуда наползают тучи, и ночь словно бы возвращается. Во мраке смутно угадывается круг из семи покосившихся камней, венчавших холм, словно корона.

Всадник лихорадочно бормочет какие-то слова – безмолвные гранитные глыбы, похоже, пугают его не меньше преследователей.

– Это ты меня сюда примчал? Сюда? – Слёзы текут всё обильнее, в глазах расплывается, и кажется уже, что древние зубья земли сами собой пошатываются, норovia выкопаться, выбраться на поверхность...

– Зачем?... Тут же просто старое капище... мёртвое... тут слуги Зверей давным-давно своих хоронили... – беспорядочно бормочет всадник, прижимаясь к тёплому боку жеребца.

Лай совсем близко. Свора частым гребнем прочёсывает негустой подлесок, они уже у подножия холма; дрожащие руки поднимают арбалет. Всадник вдруг понимает, что охотников можно и не дожидаться, свирепые псы всё сделают сами.

Живот скрутило жестокой судорогой, пальцы дрожат, стальной дротик едва не выпадает из бороздки самострела.

Свора мчится по склону, захлёбываясь злобой и брёхом.

В небесах коротко и зло взывает ветер, словно разом завопили корчащиеся в муках воздушные духи, стиснутые жестоким заклинанием; тучи точно проседают, их невесомые тела будто наливаются вдруг неведомой тяжестью. И она, эта тяжесть, тащит их вниз, к земле; жалобно скрипят, клонясь под налетевшим порывом, окружавшие холм деревья.

И даже немые камни, семь торчащих стоймя зубов похороненного под холмом чудовища, издают нечто похожее на стон.

Всадник, прижавшись щекой к отполированному ложу из драгоценного красного дерева, прицеливается, затаив дыхание, как учили, – и нажимает на спуск.

Пёс в шипованном ошейнике летит прямо на скорчившегося беглеца, арбалетный болт не может разминуться с целью, однако зубастая тварь не падает, не бьётся в судорогах; железная стрелка просвистела мимо, сгинув где-то в сумерках.

Всадник только и успевает, что всхлипнуть да уронить лицо в ладони.

Прыжок – гончак взмывает над преградившим дорогу камнем, оттолкнувшись могучими лапами, перелетает застывшего беглеца и, не обращая на прижавшуюся к земле фигурку никакого внимания, мчится дальше.

Следом – вся свора.

Ничего не понимающий наездник чуть приподнимается, ошарашенно глядя вслед скрывшемуся в зарослях псу.

Всё стихло в небесах, лишь вершины игольчатых раскидников ещё покачиваются. Мёртво застыли семь камней; так и стоят им крёгом до скончания времён.

Чёрный скакун лежит недвижно; всадник, повинаясь инстинкту, снова прижимается к земле – потому что уже наплывает топот отборных охотничьих гайто, стремительных и неутомимых, мало в чём уступающих вороному. На спинах жеребцов – преследователи. Псы могли не заметить... а люди?

И беглец не шевелится. Он почти перестаёт дышать, даже не озаботившись перезарядить самострел.

Кавалькада приближается, мелькают широкие плащи, богатое шитьё на полах отливает в бледном свете проглянувших Гончих. Повсюду гордые гербы рода Деррано – дракон, обвивший гору: на плащах, на сбруе, на отворотах сапог, даже на пустых сейчас ножнах, всадники несутся с обнажёнными клинками.

Отряд разделяется, обтекая холм слева и справа. Свора ушла вперёд, нечего мешкать!

От тяжкого скока гайто дрожит земля, словно тоже охваченная страхом. И прижавшийся к ней человек неосознанно шепчет ей: «Не бойся...», словно и впрямь в надежде успокоить и защитить.

Пронеслась погоня, мало-помалу стихают вдаль и вой стаи, и топот скакунов. Чёрный жеребец поднимается, властно, по-хозяйски, толкает мордой сжавшегося на земле всадника – вставай, мол, горе-наездник. Хватит труса праздновать.

Беглец поднимает голову – неуверенно, с опаской, что ему всё это пригрезилось, что преследователи вот-вот повернут назад, – но нет, светлеет край неба, закатываются Гончие, а охотники сгинули где-то вдалеке.

Оживают, просыпаются дневные птицы, ночной зверь крадётся обратно в логово. Запели кочеты в деревнях вдоль озёрных берегов и дальше, в окрестностях Фьёфа, серфы и свободные общинники сейчас заворачивались в постелях, расставаясь со сном, – им всем предстоит долгий день, полный трудов и забот.

Чёрный жеребец вновь толкает мордой всё ещё лежавшего наездника, и тот, пошатываясь, поднимается. Руки и ноги трясутся, пальцы едва удерживают самострел. Вороной терпеливо ждёт, пока человек взберётся в седло и возьмётся за поводья.

Путь теперь один – на север, к широкой, полноводной Долье. У неё немного притоков, и все они – мелкие небольшие речушки; но пики Реарских гор собирали так много снега, ледники ползли вниз так быстро и так обильно таяли, что по Долье большие морские корабли могли подниматься до самого Последнего моста, соединявшего земли сеноров Соллири с владениями Меодорского королевства.

Разумеется, Соллири уже оповещены. Или... нет? Станут гордые, заносчивые Деррано выносить сор из собственного замка? Неужто расскажут соперникам-насмешникам обо всём, случившемся этой ночью?

Нет, не расскажут. Умрут, но не проронят ни слова. И с лёгкостью отрубят головы тем, кто распушит языки. Скорее отправят туда своих – инкогнито.

Да, беглеца никто не приютит. Ни один из семи кланов Долье. Защиты можно искать разве что в Симэ, у короля, – или бежать прочь, домой, в Меодор.

Деррано, конечно же, перевернут небо и землю, чтобы взять сбежавшего живьём. Как следует поступить знатному сенору, у кого из-под... гм... носа сбежал... гм... такой вот вольнодумец?

Погоня – это понятно. Тут соседям ничего не надо объяснять. «Серф нанёс оскорбление господину, похитив скакуна из сенорского стойла, и скрылся». Все поймут, и никто не задаст лишних вопросов. Это частное дело клана Деррано, пусть даже им и пришлось забраться на чужие земли. Если подобное случится у сеноров Берлеа, они смогут точно так же, без спросу и уведомления, пересечь рубеж владений замка Деркоор.

Понятно, что Деррано пошлют верных людей ко всем переправам. Особенно – к Последнему мосту; но через Долье перевезёт любой лодочник, в любой рыбацкой деревеньке. Если же беглец не захочет расставаться с вороным – что ж, на реке хватает паромов с цепями, проложенными по дну, – чтобы могли пройти глубоко сидящие купеческие суда. Ближайший – во Фьёфе, но есть и в устье Эве, притока Долье, вытекавшего из одноимённого озера, есть чуть дальше на восток, рядом с Берлекоором...

От этих размышлений беглец чуть приободрился, позволил себе даже лёгкую улыбку. Не всё так плохо и безнадежно, отнюдь не всё. Погоня ушла далеко на восход, пока неудачливые загонщики разберутся, что к чему, пока вернутся обратно, пока получают новые распоряжения... едва ли молодой сенор Байгли Деррано осмелится что-то предпринять на чужих землях без ведома отца.

А это значит – едем вверх по Долье, огибая с севера озеро Эве; на уже упоминавшемся пароме в устье одноимённой речушки и переправимся.

Всадник ласково потрепал скакуна по шее.

– Ты меня спас, вороной. Неужто я теперь тебя брошу?

Гайто коротко заржал, словно соглашаясь.

Кинув последний взгляд на неподвижно застывший каменный круг, обозначавший старое место поклонения Семи Зверям, беглец трогает поводья.

Солнце поднимается над краем мира, первые лучи освещают наездника на вороном скакуне: тоненькую невысокую девушку в бархатном берете, наверняка скрывавшем пышные косы. Чёрная куртка воловьей кожи, просторные и бесформенные порты, схваченные на талии широким поясом, увешанным какими-то сумочками, тесак на правом бедре, за плечами – жёсткий саадак для самострела.

Беглянка казалась неплохо подготовившейся к рискованному предприятию.

Вороной скакун нетерпеливо переступил с ноги на ногу, дожидаясь команды; дождался, вскидывает голову и срывается с места.

Впереди почти день скачки.

* * *

– Мы её упустили, братец. – Дигвил Деррано, старший сын сенора Деррано, владельца замка Деркоор, осадил скакуна и поднёс к губам рог, созывая пристыженную свору. Первоклассные гончие внезапно потеряли след среди чистого поля, и все усилия псарей с ловчими ни к чему не привели.

Молодой Байгли Деррано, младший брат Дигвила, только скривился, зло хлопая плетью по голенищу сапога.

– А всё потому, что твои, гм, постельные пристрастия, мой дорогой... – продолжал читать нотацию старший, и Байгли не выдержал.

– Это тебя не касается! – заорал он, привставая в стремях. – Понятно, нет?

Дигвил сощурился, и взгляд его не предвещал младшему брату ничего хорошего.

– Я при челяди с тобой ссориться не стану, – бросил он вполголоса, но так, что сердце у Байгли тотчас ушло в пятки. – Продолжим беседу дома. В палестре. Отделаю тебя так, что неделю встать не сможешь, молодожён хренов. И только попробуй отказаться.

– Всё маменьке скажу, – пробурчал Байгли.

Он не уступал брату ростом, но был куда шире его в талии. Стройный и подтянутый Дигвил, казалось состоявший из одних мышц, смотрел на младшего с нескрываемой насмешкой.

– Пожалуйешься, конечно. И маменька тебе ничего не скажет... по поводу того, как следует, а как не следует обращаться с молодой женой в первую брачную ночь. Но вот за то, что она у тебя сбежала... думаешь, папенька по головке погладит? Сомневаюсь, скорее велит по старой памяти прописать тебе полсотни горячих.

– Она моя жена. Что хочу с ней, то и делаю, – отворачиваясь, проворчал младший Деррано, уже понимая, что брат, как ни противно, опять кругом прав.

– Верно. Делай что хочешь, – кивнул Дигвил. – Хоть засеки розгами насмерть, мне-то что? Но так, чтобы, Семь Зверей тебе в глотку... – Старший брат сгрёб младшего за грудки, притянул к себе, прошипел прямо в лицо, обдавая брызгами слюны: – Но так, чтобы тебя, ублюдка, никто бы в том не уличил! Чтобы всё осталось шито-крыто! Как раньше, когда ты развлекался не только с рабынями или простолюдинками, но воровал порой даже девиц благородного сословия из того же Меодора! А теперь?! Ты хоть понимаешь, что будет теперь?!

– А-а что такого-то, ничего и не будет, – забормотал Байгли, даже не пытаясь утереть лицо или вырваться из хватки брата. С гайто бы не свалиться. Мало ему позора с беглянкой...

– Меодор, – вкрадчиво проговорил Дигвил, – конечно, страна варварская. Утончённых постельных развлечений сенора... или, вернее, пока что просто дона Байгли Деррано там могут и не понять. А ты забыл, *как* эта девчонка попала к нам в замок? *Почему* отец взял её на воспитание? Забыл, чья она дочка? Пусть шестая по старшинству, пусть её торопились сбыть с рук, но тем не менее? Забыл, а? Отвечай, толстобрюх!

– Не забыл, – буркнул младший брат, не поднимая глаз и даже не заметив презрительного детского прозвища, из-за которого раньше, не раздумывая, бросался в драку.

– Не похоже, чтобы помнил, – скривился Дигвил, резко оттолкнув Байгли. – Род владельцев Венти богат, знатен, на короткой ноге с ближайшим окружением престола в Меодоре. Благодаря многочисленным династическим бракам... хотя что я, ты небось и слова «династический»-то не знаешь.

Байгли хлюпнул носом.

– Если доньята объявится в родном замке, покажет следы плетей и прочих... приспособлений, кои использовал на ней мой неразумный братец, нам несдобровать, – втолковывал младшему Дигвил. – И потому...

– Да что они нам сделать-то могут? – Байгли ещё пытался хорохориться. – Где мы и где тот самый Венти! Они что, на нас войной пойдут? Небось далеко не утопают!

– Болван, – вновь взъярился старший Деррано, быстро оглядываясь – псаря уже собрали свору, взяв гончих на поводки. Можно было трогаться. – Они обратятся с жалобой – прямо в Симэ, а заодно и к своему королю. Напишут приватное письмо бра-дону Фрамаццо, генеральному стряпчему. Или ты забыл, что его младший брат женат на родной тётке твоей сбежавшей наречённой?! Или ты думаешь, отец совсем ничего не соображал, когда принимал Алиедору в воспитанницы или же выдавал за тебя замуж?!

Байгли не нашёлся, что ответить.

– Как есть болван, – вздохнул Дигвил. – Ладно, хватит стоять. Пора возвращаться. Мэтра Бравикуса мы с собой, к несчастью, не взяли... может, он и отыскал бы след. И уж, во всяком случае, нам не пришлось бы тратить время на возвращение.

– Она ведь успеет удрать, верно? – уныло осведомился Байгли.

Старший коротко кивнул.

– Конечно. Долье – река широкая, но перебраться девчонка сможет во многих местах. Особенно если бросит вороного. Но его она, думаю, не оставит.

– Двинется к Последнему мосту? – рискнул предположить неудачливый муж.

– Дурачина. Нет, конечно. Мост мы успеем перехватить. Скорее всего, воспользуется паромом или во Фьёфе, или в устье Эве. До Фьёфа ближе всего... гм... дай подумать... так, вот что, братец. Скачи-ка во весь опор домой. Расскажешь отцу во всех деталях, как мы гнались за твоей жёнушкой и как она улизнула. А я возьму троих, и мы проедемся... вдоль нашей прекрасной Долье. Заглянем во Фьёф, поспрашиваем...

– А может, она повернула как раз к парому на Эве?

– Может быть. Но вряд ли – до Фьёфа дорога торная, там хватает приезжих с меодорской стороны, легко затеряться... – Тонкое лицо молодого Деррано вдруг исказилось, зубы оскалились. – Она не должна добраться до Венти, братец. Иначе конец нашему доброму имени. Да, да, тебе это пустой звук, мой дорогой; и какое же счастье, что не ты унаследуешь сенорство!

Байгли зло зашипел, но старший брат не обратил на это никакого внимания. Только махнул рукой, подзывая к себе ловчих, и четверо всадников помчались дальше на северо-восток, к проходившему там торному тракту, соединявшему Деркоор с твердыней клана Берлеа.

Младшему Деррано ничего не оставалось, как выполнить распоряжение старшего. Кавалькада уныло потащилась в сторону Деркоора.

* * *

Доньята Алиедора Венти, уже было ставшая доньей Алиедорой Байгли Деррано, всё подгоняла и подгоняла своего вороного. Чёрные как смоль волосы так и норовили выбиться из-под берета, и всаднице то и дело приходилось со злостью запихивать обратно трепещущие на ветру пряди.

Вокруг расстилались знакомые места – доньята прожила в замке Деркоор достаточно долго. Солнце поднималось всё выше, лёгкий ветерок тянул с недалних гор, нёс на невесомых крыльях ароматы карабкающихся по склонам лесов, расцветающего горьколиста, пряного кудрявника. Вороной шёл широкой нетряской рысью. Знатная доньята, отпрыск благородного рода, едва заметно кивала в ответ на низкие поклоны попадавшихся навстречу серфов. Она не пряталась – погоня давно отстала, до границы недалеко, а в родной Меодор никакие Деррано полезть не осмелятся.

Только теперь она смогла задуматься о случившемся на холме. Почему свора её не заметила? Почему злоющие псы проскочили мимо?

Конечно, ответ напрашивался сам собой. Капище Семи Зверей – их воля и защита.

Но семь великих правителей мира, восседавшие на небесных престолах, давно не являли своей воли. Ничего не могли добиться жрецы и заклинатели, шаманы и колдуны – Звери не отвечали на зов. Это знали все, от мала до велика. Об этом твердили законники и хронисты, летописатели и составители наставительных сводов для девиц благородного происхождения. Говорили нянюшки и воспитательницы. Говорили все.

На смену семи уснувшим (или ушедшим, или даже погибшим) Зверям явился новый бог. Единый бог. Простолюдины знали Его под множеством имён и обличий, но знати, прошедшей посвящение в мистериях, открыто было истинное имя – Ом. Ему возводили величественные храмы, увенчанные Его священным символом – восьмиконечной звездой с глазом в середине. Восемь лучей означали восемь стихий и первоначал – землю, воду, огонь, воздух, движение, желание, мысль и чувство.

И вот старое капище спасло её, Алиедору, спасло от верной гибели и того, что, быть может, даже горше смерти.

Какой же отсюда следует вывод, как наставительно сказал бы мэтр Диджорно, придворный маг, астролог, алхимик и, по совместительству, – домашний учитель молодой поросли знатного рода Венти?

Первый, самый приятный, состоял, разумеется, в следующем: старые боги живы, они не спят и избрали её, доньяту Алиедору, провозвестницей своего скорого возвращения. А как ещё это можно объяснить? Уж она-то, прожившая не один год в Деркооре, знала, на что способны его псары и выращенные ими своры. Не упустили бы, не потеряли бы след. Да и ловчие тоже... в конце концов, она скакала не утоптанном трактом, где не оставляет отпечатка даже тяжёлое двуострое копыто породистого скакуна-гайто, но мягкими луговинами, то вдоль многочисленных ручьёв, то через них. Однако не увидели, не разглядели, проморгали, пронеслись, проскочили! Отвели им глаза, да так, что она, доньята Алиедора, того и гляди без помех доберётся сперва до парома, а там... Да что говорить, левый, меодорский берег Долье – уже спасение.

Но Семь Зверей, Семь Зверей! Ожили, увидели, откликнулись!

Во время бегства доньята не молила Ома о спасении. Может, оттого, что уж очень строгим представал он в писаниях своих пророков. Мол, и старые боги – совсем не боги, а злые демоны, и не сожрали они весь мир только оттого, что стерегли его, дабы достался он на пир неведомым демонским властителям, Шхару и Жрингре, целым, непорченным и девственным.

Как весь мир может оказаться «девственным», Алиедора понимала не слишком. Нет, в своё время она даже заучила ответ, и фра Шломини остался доволен – но сейчас заковыристое и головоломное доказательство начисто вылетело из памяти.

Молодая доньята никогда не заморачивалась богословскими вопросами. И сейчас лишь беспомощно барахталась на поверхности тёмного моря неожиданных, со всех сторон нахлынувших мыслей.

Если фра Шломини, фра-супреме Дельгьянци и прочие, носящие белые с золотом одежды, украшенные восьмиконечной звездой с глазом, – если они правы и Звери действительно просто сторожевые псы, не добрые и не злые, чей долг – просто охранять порученное?

«Почему я об этом не думала раньше?» – раскаивалась Алиедора. Звери – Зверьми. Ом есть Ом, господин всего живого и мёртвого. Так её учили. А сейчас, стоило ей спастись...

Откуда она знает, что её спас не всемогущий Ом-Вседержитель? Если всё – в Его власти, так, наверное, он может распоряжаться и на заброшенном капище?

Голова кругом идёт. От всего случившегося, от мыслей этих, будь они неладны... Ещё позавчера она, доньята Алиедора, готова была стать младшей доньей Деррано, не без удовольствия перебирала подарки свёкра и деверя, примеряла платье и жалела, что её не увидят подружки из родового замка Венти – вот уж точно полопались бы от зависти! Байгли, конечно, был женихом... м-м-м... завидным, но только с одной стороны. Род, знатность, богатство – всё при нём. Остротой ума его Ом, правда, не наделил – ну так знатному дону (а в будущем – бра-дону, если, конечно, судьба не повернётся иначе и Байгли не сделается сенором Деррано вместо старшего брата) особого ума и не требуется. Иначе зачем ему послана ловкая и сообразительная жена?

Да и вообще, Байгли не казался злодеем. Толстоватый, неуклюжий – он ничуть не походил на стройного и подтянутого Дигвила, отличного мечника и превосходного наездника. Да, старший Деррано стал бы отличной партией... не окажись он уже женат.

Против самого брака Алиедора ничего не имела. У всех было так. Её мать тоже приехала воспитанницей в замок Венти и тоже долго плакала в подушку, едва познакомившись с будущим женихом. Однако же стерпелось, слюбилось, и благородная донья Самалли одного за другим родила мужу десятерых детей, кроме Алиедоры ещё шестерых дочек и троих сыновей. И ничего. Отец их любил и баловал, жизнь в замке Венти текла беззаботная и счастливая... и даже в Деркооре, куда более мрачном, поначалу Алиедоре тоже нравилось. Неуклюжий Байгли

мог насмешить, мог притащить лишний кусок пирога с кухни, мог покорно сопровождать благородную доньяту в неблизких поездках по окрестностям замка...

И всё это рухнуло – уже после того, как Алиедора готова была, как подобает настоящей жене, исполнить в супружеской постели всё, дабы её мужчина встал бы с их ложа, не помышляя о других женщинах.

«Так, всё, об этом не думаем, – приказала она себе. Рубцы от плети на спине ещё саднили. – Этого не было, – повторила она. – Я расскажу только один раз – папе и маме. И больше никому, никогда».

О том, что случится, когда она доберётся до дому, Алиедора не гадала. Главное – очутиться в Меодоре. А там всё пойдёт уже как по маслу.

* * *

Дигвил Деррано и трое ловчих, запylённые и усталые, подскакали к стенам Фьёфа вечером того же дня. Скакунов не жалели, и те не пали лишь потому, что предусмотрительный наследник Деркоора велел захватить с собой заводных.

Всадников, разумеется, узнали. В маленьком городишке прятать лица под широкополыми шляпами – куда более верный способ помочь вестям разнестись подальше, чем открытый визит старшего отпрыска соседнего сенора. Дигвил ехал не таясь и не пряча фамильного герба.

Одноэтажные домишки под соломенными крышами, неизменные куры вдоль обочин и саловики в дорожной грязи, равно как и чумазые ребяташки. Дигвил обращал на это куда меньше внимания, чем на докучавшую ему муху, упрямо желавшую совершить торжественный променад по Фьёфу, удобно устроившись прямо на носу благородного дона.

Знакомый десятник в цветах рода Берлеа, с ярким и безвкусным, на взгляд Дигвила, гербом – синяя змея, поднявшая голову над водами огненной реки, – низко кланялся благородным господам, всячески выражая готовность услужить. Ну, и заработать полушку, конечно.

Дигвил остановился, скучающе-равнодушно поинтересовался у стражника, как дела. Это допускалось кодексом, даже поощрялось – достойно истинно благородного человека преклонять порою слух к словам ничтожных простолюдинов.

– А вот на торги тут к вам вороного такого приметного сегодня не проводили? Нет? Я прослышал, мол, будет сегодня в гайтских рядах нечто небывалое, на что и поглядеть есть смысл. Жаль только, узнал я поздновато, только к вечеру сюда и успел.

Стражник аж наморщил лоб в тщетных усилиях вспомнить – получить монетку ему очень хотелось.

– Никак нет, благородный господин, нет, дон Деррано, не проводили. У меня на вороных глаз наметанный, знаю, что вы их любите. Я, как такого встречу, сразу себя спрашиваю – а не подошёл бы ты, красавец, нашему доброму соседу, благородному дону Дигвилу? Нет, не проводили. Ни в поводу, ни верхами. Ничего достойного, ваша светлость.

Десятник безбожно льстил молодому дворянину – «светлостью» полагалось именовать только сенора, то есть главу соответствующего дома.

Дигвил молча кивнул, бросил стражнику вожаденную полушку – тот поймал её на лету с лёгкостью, свидетельствовавшей о немалой практике, – и тронул скакуна.

Осторожные расспросы у паромы тоже ничего не дали. Никто не видел приметного аспидно-чёрного жеребца-гайты – а не заметить такого зверя было невозможно.

Не минул ещё и час Левиафана – по старому счёту, сохранившемуся с древнейших времён, – не успели сгуститься сумерки, а Дигвил Деррано и три его спутника уже во весь опор неслись вдоль берега Доле, туда, на запад, где в устье речушки по имени Эве имелся второй в здешних краях паром.

Наследник Деркоора глядел мрачно. И не только оттого, что ошибся, пытаясь угадать намерения беглянки; Дигвилу очень не нравилось то, *как* именно возмутительница спокойствия смогла стряхнуть погоню с плеч.

Если бы и впрямь очень выносливый, злой, сильный скакун просто оторвался бы каким-то чудом от преследователей, Алиедоре было б некуда деваться, кроме Фьёфа с его паромом. Всадница ни за что не расстанется со скакуном, в этом Дигвил не сомневался, он достаточно хорошо знал несостоявшуюся невестку. Она не станет искать лодку – что в её положении стало бы наиболее разумным; но когда, скажите, женщины поступали разумно? Сбежала, понимаешь, не захотев чуток потерпеть! Ну всыпал бы ей Байгли розгами по мягкому месту, ничего страшного – можно подумать, в детстве её мать не порола! Ан нет, свела лучшего скакуна, сбежала, огрев при этом своего горе-мужа кочергой. И что теперь прикажете делать?

Его, Дигвила, люди станут молчать – крутой нрав молодого господина им известен. Но теперь беглянка, похоже, ускользнёт-таки в Меодор... и что тогда?

«И как же, в конце-то концов, ей удалось от нас оторваться? Когда? Если её не оказалось во Фьёфе – куда она свернула? И почему мы не заметили? Почему псы до последнего летели так, словно по горячему следу, и брехали – мол, вот-вот нагоним? С ними-то что произошло? От этой своры ни один зверь не уходил».

Магия, услужливо приходил ответ. Самая обыкновенная магия. Девчонке кто-то помогал. Кто-то, распоряжающийся немалыми силами. И от этого Дигвилу становилось не то что не по себе, он весь леденел.

Первый закон дознания – подозревай всех. Второй закон – не пытайся навесить на того, кому труднее всех оправдаться. Конечно, само слово «магия» заставляло прежде всего вспомнить о многознающем мэтре Бравикусе. Вспоминая поговорку об имеющих обыкновение водиться в тихом омуте, Дигвил, конечно, подумал бы на него. Мастером сработанный оберег вполне может сбить с толку и не таких преследователей; но чтобы Бравикус пошёл бы на *такое*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.